

Аман Шелхабиров

Полуночная охота

18+

Аман Шелхабиров
Полуночная охота

«Автор»

2026

Шелхабиров А.

Полуночная охота / А. Шелхабиров — «Автор», 2026

В старом Акдаме, где ночью правят бал монстры, а церковь плетёт сети из алчности и лжи, есть только одно имя, которое произносят шёпотом — Жозель. Одержимый мстью за погибшую жену, Охотник давно потерял себя, став машиной для убийства тварей. Но священная охота, в которой он преследует оборотня, приведёт его к страшной тайне, способной уничтожить не только город, но и последние крупинки его человечности.

© Шелхабиров А., 2026

© Автор, 2026

Аман Шелхабирон

Полуночная охота

Полуночная охота.

Растолстевшая луна над старым городом возвещала о скором приближении мрака. А значит, не только оборванцы, насильники, грабители и прочие сомнительные личности выберутся из своих берлог, но и бездушные твари, мерзкие в своем начале и кровожадные до кончиков лап, займутся древнейшим, продиктованным самой природой действием – яростным поглощением костей и плоти. Чудовища займутся священной охотой!

В одной из таверн старого города подчас собирался отборнейший сброд, дабы напиться сразу или взять заказ на убийство, напившись впоследствии. Полуразрушенное каменное здание с прогнившими оконными рамами и такими же балками, поддерживающими прохудившуюся крышу, было невзрачным. Частенько через гнилые бревна углы паба заливало дождем, отчего запах внутри, вперемешку с дешевым алкоголем и до слез вонючими посетителями, с легкостью породнился бы с общественной выгребной ямой. Даже мухи и те не залетали внутрь. Боялись сдохнуть.

Полнолунной ночью таверна переполнялась народом, шум стоял на всю округу, а питье лилось золотыми, оловянными и бронзовыми цветами. Но, когда двери с грохотом распахнулись и внутрь вплыла длинная тень, завсегдатаи разом позабыли и о плясках, и о хмеле, навестив все глаза на незнакомца. На таверну обрушилась могильная тишина.

Тень ненадолго задержалась у порога, равнодушно оглядела местность и неторопливыми, размеренными шагами направилась к барной стойке. За ней в ту ночь стоял совладелец заведения, плешистый старик с глубоким шрамом вместо левого глаза. Он спешно протирал стакан под виски, надеясь задобрить странника горячительным, хотя прекрасно знал – выпивки сегодня тот не закажет, как не заказывал ее никогда.

— С чем пожаловал? – учтиво спросил бармен. Тень подошла вплотную к стойке. Лицо скрывала маска из черной ткани и остроконечная шляпа, по форме напоминающая морду лисы. Изредка, если повезет и незнакомец приподнимет голову, общественности удавалось разглядеть глаза. Серые, мутные, но решительные, со жгучей искоркой.

— Я не намерен пить, старик. Где он?

— Не понимаю, о чем ты... – иронизировал бармен.

Смачный удар кулаком по стойке разрядил тишину. В дальнем углу зала кто-то охнул.

— Терпеть не могу шутки. Ты знаешь, – пригрозил незнакомец.

— Задавай ты вопросы не с такой жадностью, а по конкретике, я бы соображал куда спешнее, – ответил бармен и продолжил свое маленькое дело. Странник оглянулся. Все посетители смотрят на него. Кто с угрозой, кто в страхе, но они ожидали развязки.

— Я спросил – где волк? Не играй со мной. Ты знаешь, где он?! – процедил незнакомец сквозь зубы.

— Не имею знаний на сей...

Странник ловким движением схватил бармена за передник и жестким рывком притянул к себе. Он с легкостью мог вытащить его из за барной стойки, вопрос желания, но та послужила барьером, обозначающим границы, нарушенные так просто, без лишних затруднений.

Обильное пузо бармена улеглось на стойку, а физиономия вплотную сблизилась с лицом странника.

— ...счет, – простонал бармен.

— Послушай внимательно, старик...

— Слышал от парней вчера вечером, вон там сидели, близ окна... говорили, видели его в двух переулках от церкви. Выслеживал каких-то полоумных богатеев. Вальяжно разгуливали полночь. Похоже, возвращались с какой-то глупой пьески, представь?

Глаза незнакомца заблестели, мышцы напряглись, хватка стала монструозной, да и сам он выглядел зачарованным диким зверем. Стратегия вырисовывалась, планы друг за другом понизывали клетки мозга острыми уколами. Кулак разжался. Бармен съехал обратно за стойку и со всем спокойствием продолжил буднично натирать бокал, невзирая на произошедшее.

Незнакомец бесшумно развернулся и, без какой бы то ни было словесной признательности, устремился к выходу. Тогда на его пути выросли трое перебинтованных наемников в разодранных одеждах, из-под которых выглядывали запекшиеся, нагноенные раны. Застоявшаяся щетина, шрамы на предплечьях, шеех, лицах и прочие отличительные знаки помогли распознать местных любителей легкой наживы проще, чем попытка отличить разбавленный эль, перебродивший сидр и ослиную мочу в темном кабаке лишь по характерному запаху. Хотя, незнакомец всю жизнь предпочитал солоду вино, похотливого бордового цвета.

— Эй, урод! – обратился самый низкорослый наемник. – Ты типа такой крутой здесь, да? Возомнил себя легендой?

Незнакомец не сбавил шаг.

— Ставлю десять золотых к одному, что сегодня выродка сожрет волк и высрет на рассвете! – выкрикнул самый высокий и упитанный из троих. – Прибереги свой модный плащик! Найду твои останки поутру и заберу его себе. Но, сначала, отмою от дерьма! – наемник расхохотался. Весомая часть захмелевших посетителей подхватила гогот.

Незнакомец молчал. Издевательский смех не поколебал ни единого мускула. Шаг остался равнодушным, но целеустремленным.

— И что у тебя за имя такое дурацкое? Бабское, что ли? Я слышал, тебя звать Жозель! Представьте, Жозель! – обратился к толпе последний наемник, с самыми длинными и сальными волосами, – Да так называют только сельских шлюх!

Мощный удар попал в цель, с хрустом сломав и без того кривой нос, челюсть и лицевую кость. Не успела роковая ошибка слететь с его уст, как пара передних зубов отлетела на ближний столик. Опытный наемник, не раз бывавший в передрягах, не успел ни увернуться, ни среагировать на скоростной, как вспышка, прямой. Позже, все в той же таверне, очевидцы будут рассказывать, что вместо руки из-под старого черного плаща выскочила толстенная змея и, наострив клыки, кинулась в лицо, а от неожиданности тот, с сальными волосами, неудачно отпрыгнул назад, позволив змее настигнуть его. Особенно мнительная дама с внушительным бюстом даже будет уверять – незнакомец использовал забытую в веках оккультную магию и выпустил накопленную силу рун в лицо обидчика.

Наемник пролетел несколько метров и рухнул в отключке слева от двери.

Остальные сначала уставились на своего напарника, потом на тень. В его глазах блеснул звериный гнев. Они увидели в них собственные напуганные физиономии и, поумерив гонор, разошлись, пропуская незнакомца к двери.

Когда путник покинул таверну, к бармену подошел парень лет девяти.

— Дядюшка Бауэр, кто это был? – Младший помощник, по совместительству, племянник Бауэра, по росту и комплекции, походил на добрый бочонок с элем. Он встал ближе к стойке и заметил две поблескивающие золотом монетки на том месте, где незнакомец притянул к себе хозяина таверны.

«Вот тебе и благодарность» – заключил мальчик и положил монеты в мешочек на скрытой полке, к остальной выручке.

— Много лет назад примерный простолюдин, работяга, жил себе припеваючи и не отсвечивал. Как бишь его тогда звали? – задумался Бауэр, потирая щетину. – Нет, уже и не вспомню.

Все изменилось. В одночасье. И порядочный человек превратился вот в «это». Таких, Тони, величают охотниками!

Настырно продиравшийся между штор палящий луч утреннего солнца разрезал комнату на две равные половины. С одной стороны, на длинных деревянных полках под потолок, стояли цветы в расписных горшочках, с горделивой алой розой во главе. Правее от нее пухлая белая георгина с красными жилками на лепестках, пятилистные хищно-розовые герани, россыпь лиловых лесных колокольчиков и горячо любимые хозяйкой ромашки. Левее траурные гвоздики с белой окантовкой, нежные хризантемы, игольчатые астры, веселые разноцветные циннии и снежные цветки яблони. Полкой ниже рос буйный плющ, захватывая территорию, до какой мог дотянуться. В отместку ему с пола надвигался массивный куст эвкалипта. Уверенный и стойкий, он увеличивался изо дня в день. Но был и еще один цветок, непохожий на остальные. Одинокий в своей необычности, чужестранный, но уникальный в своей красоте. Тигровая Лилия в единственно известном на континенте экземпляре, которым так яро гордились хозяева. Ее коралловый окрас, изящество лепестка, ее стан – беззащитное естество растения бередило душу. При виде тигровой лилии все, и владельцы, и посетители, ощущали причастность к тому недоступному прекрасному, неосязаемому и трудноуловимому. Произведение искусства матери природы.

А с другой стороны комнаты располагалось ложе двух возлюбленных новобрачных. За ним шкаф и прикроватный столик. В то утро, как и во все предыдущие, их быт был в беспорядке – кровать не застелена, шкаф приоткрыт, вещи разбросаны, со стола не прибраны женские принадлежности, повсюду следы от пудры, зеркало отвернуто в пол оборота, помада медленно катится с края, неуверенно балансируя между плоскостью и пропастью. Утренний хаос буднично обрушился на влюбленных предпринимателей.

— Дорогой, мы сильно опаздываем! – фыркнула длинноволосая дева, в спешке натягивая льняную юбку на округлые ягодицы. Волосы цвета пшеничных колосьев, обычно заплетенные в косу, доходили ей до места, на которое она так рьяно натягивала юбку. – Лавку нужно открыть через пятнадцать минут! Покупатели скоро явятся за заказами, поторопись!

Для дождливого Акдама солнечный свет давно стал роскошью. Небо наглухо заволакивало тучами от середины весны, до первых дней лета. Затем, обыденная серость сменялась оттенками свежего гноя, что тоже не вызывало у жителей приятного расположения духа. И все великолепие сдабривалось мощными порциями ливней, на смену коих в сезон летнего луновосхода до тошноты пунктуально прибывала мучительная духота.

— Так точно, принцесса, – потешно отозвался молодой парень из недр шкафа, запутавшись в рукавах рубашки. – Мигом управлюсь!

Лавка была подготовлена к открытию ровно за тринадцать минут. Двери отворены, цветы расставлены на самых видных местах, а продавцы собраны и причесаны.

День проходил гладко. Покупатели прибывали от часа к часу. Запасы стремительно пустели. К полудню заказные цветки обрели хозяев. Как известно, соблюдение двусторонних договоренностей для честного продавца сродни наивысшей точки блаженства. После успешно закрытых сделок молодой паре хотелось работать вдвое больше, – не покладая рук распродать все цветки в округе!

Сделка дня дожидалась позднего вечера. Работавший на церковь знатный торговец внес предоплату аж за месяц! И заказал он не абы что, а уникальную Тигровую Лилию, добытую за морем, на далеких побережьях восточных островов. Ее доставили в целости и сохранности совсем недавно, вчера в обед.

Никто точно не знал, но ходили громкие слухи, что тамошние знахари используют цветок для получения целебного экстракта. Для чего именно церкви нужен столь неповторимый экстракт они не разглашали, но кругленькая сумма, уплаченная сильно заранее, говорила о

многом: экземпляр в виде Лилии высоко ценен, а готовность его заполучить – неоспорима. В конце концов, скорость, надежность, пунктуальность и гарантии для заказчика были ценнее любого золота.

Торговец пересек порог, едва солнце коснулось диском горизонта. На нем был плотный габардиновый плащ, холщовая рубашка, простецкий жилет и цилиндр с приподнятыми бортами. Он был худ, словно недоедал и бледен, будто долго чем-то болел. Чем-то очень нехорошим. И заразным. Пустой взгляд не выражал заинтересованности к поредевшему ассортименту и взирал исключительно на цель визита.

Тигровая Лилия, усаженная в одном из расписных горшков, стояла на стойке продавца. За ней встречали долгожданного гостя сразу оба молодожена. В предвкушении последней за день встречи они доброжелательно, с еле уловимым азартом, смотрели на странного покупателя.

— Доброго заката, господин Тисс! Вы как раз вовремя, минута в минуту! – пролепетала девушка.

— Пунктуальность в нашем деле важнее всего, – подхватил мужчина. – Правда же, господин Тисс?

Он не ответил. Не пошевелил ни единым лицевым нервом. Господин Тисс тупо пялился на продавцов. Пара аккуратно переглянулась в надежде, что партнер разрядит обстановку, но торговец привлек внимание, стремительно двинувшись в их сторону. Тяжелые шаги шумным эхом пульсировали по лавке.

— Спасибо, – кротко промычал торговец, проигнорировав вопрос. Теперь он не отрывал взгляд от Лилии. Но ни огня, ни хотя бы искорки в них не проявилось. Угрюмое лицо, казалось, не выражает ничего, а белизна кожи даже немного пугала.

Из внутреннего кармана торговца показался увесистый мешочек с золотом. Он осторожно положил оплату рядом с лилией, вцепился в нее обеими руками и, зачарованный, молча ушел из лавки в неизвестном направлении.

Продавцы вновь переглянулись и заливисто расхохотались, то ли от нервозности и навалившейся за день усталости, то ли от несурзности покупателя. Девушка обвила руками шею мужчины и нежно поцеловала.

— Знаешь, все те сутки, сколько у нас стояла Тигровая Лилия, я чувствовала ее... силу. Она словно дарила нам удачу. С продажами. И между нами. Больше Лилии с нами нет и что если... что если наша удача пропадет? Что если настанет спад... Особенно... у нас с тобой... – сказала девушка и по щеке ее побежала одинокая слезинка.

— Милая, у нас с тобой все будет хорошо. Не из-за Лилии, не в ней дело, – ответил мужчина и крепко прижал ее к себе. – Дело в нас самих. Мы сами строим свою жизнь, свою судьбу. Сами. И, если бы не мы, – нашей замечательной лавки бы не было. Мой старик часто говорил одну фразу: «без труда не будет и добра». И мы трудимся, во благо нас и нашего будущего. Правда же? – спросил мужчина.

Девушка осторожно кивнула и уткнулась лицом в его шею.

— Жозель, милая, я люблю тебя, – прошептал мужчина.

— И я люблю тебя, дорогой, – тихонечко ответила она.

— Все у нас будет хорошо, – заключил он и отправился запирать входную дверь.

Солнце скрылось, разрезая горизонт рыжей полосой. Небесные массивы скоро перешли во владения бледного скрюченного божества – полумесяца.

Две недели спустя, в ночь полнолуния, в их уютную лавку ворвался новообращенный волк. Обычно, волки не врываются за пищей в дома, а охотятся на уличных зевак, зверей или, при крайней необходимости, на иных мелких существ. Голод довел его до безумия. Волк в агонии разворотил дверь, снес остатки цветов, ободрал половицы и стены. Пара, мерно спавшая в

спальне-складе, за запертой дверью, не успела сбежать. Прорвавшись и туда, волк набросился на девушку и с остервенением вырвал у той клочок мяса с костями в районе ключицы, а мужчину взмахом мохнатой, когтистой лапы отправил в стену. От удара он потерял сознание. Наутро, на месте нападения, мужчина обнаружил лишь червонную лужу, несколько костей и шматок сочащейся плоти.

В то утро он поклялся именем любимой женщины найти волка во что бы то ни стало. Поклялся положить остаток, ставшей жалкой, никчемной, жизни на поиск и убийство волка. Чтобы не забыть данное себе обещание он взял ее имя, нося его долгие годы. Сконцентрировавшись на нем, он, тем самым, позабыл собственное. Мужчина не разбрасывался новым именем, нет. Он просто помнил. Помнил и шел вперед, сквозь реки крови и пелену беспросветного мрака.

— Вот те на! – удивился упитанный племянник. – А я всегда думал это байка! Так, детей погугать!

Бармен и племянник молча смотрели куда-то в пустоту. Первый задумался о прошлом, второй осмыслил жуткие подробности настоящего.

— Дядюшка, а как тот мужчина стал охотником? В какой гильдии он состоит?

— Без понятия. Мне-то откуда знать? – ответил бармен.

— Ты все знаешь, что люди говорят!

— Иди работай! И жевало прикрой, а то муха залетит! – Бармен лавиной выместил накопленное раздражение на бедного паренька. Юный помощник, вида бочонка с элем, нечасто получал от дядюшки нагоняй. Чаще от сверстников. Еще чаще, за излишний вес. Растерявшись, он ругал свою докучливую любознательность. Нехотя, спускаясь в подвал за вином, он затаил обиду на дядюшку. Втайне, паренек был рад, ведь там, под землей, в темноте и сырости, его слез никто не увидит. И не осудит за слабость.

Охотник с горечью вспоминал события давно минувших лет. В то время он был счастлив и носил другое имя, потерянное в осколках памяти, отброшенное вдаль бременем, имеваемым целью. Какой целью? Самой наиважнейшей из всех существующих для лишенного смысла жизни мужчины, у которого отобрали любовь и частичку души – неугасающей мстостью.

Вспоминал он и о скитаниях. Выживание среди мертвой людской массы и пирующих на останках монстров. Гнетущая безысходность, ежедневное желание прервать страдания. Потерю эмпатии, чувств, эмоций, кроме ярости и желания отомстить. Одно сердце работало, как поршень, гоня по венам чистейший концентрат гнева, хоть внешний вид, на первый взгляд, и не внушал ничего, кроме упертого равнодушия.

Долгие годы охотник выслеживал своего врага, попутно оттачивая кровожадный навык на всевозможных мерзких и опасных тварях, а шрамы на теле символизировали бесчисленные шаги к достижению цели. Каждая неудача – преодоление новой ступени. Шрамы, рубцы, гематомы, ссадины, переломы. Охотник помнил всех убитых собственной рукой и тех, от кого понес наказание за преждевременную самоуверенность. Сквозной шрам на предплечье шипастым языком оставила гидра. Переломанные ударом тролля ребра. Разодранная в клочья голень от крохотных бесых зубцов.

Неторопливой походкой Жозель приближался к Собору. Громадное здание церкви нависло над соседними домами. Два длинных ребристых шпиля, правый выше левого на рост взрослого человека, обрамленные камнем и тонированным витражным стеклом. Бесчисленные остроконечные выступы, причудливые узоры с плавными геометрическими окантовками и угрожающий крест, с двумя пересекающимися прямыми ниже центра, над четырехметровым порталом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.